

зультаты своих архивных разысканий – историю написания и постановки пьесы "Микадо" он раскрыл через тридцать лет после первых попыток, предпринятых в докторантский период.

В статье "Приветствую! Люблю!" ("Вечерняя Одесса", 11 ноября 1989 года) заметно желание автора восстановить купюры, вымаранные критериями конца 60-х, и сохранить малые свидетельства памяти, придав им статус литературных фактов. Дело будущего – ввести собранные и сохраненные факты в широкий историко-культурный контекст.

Лариса ДУЗЬ

Иван ДУЗЬ

"Приветствую, люблю!"

Эти слова, взятые из дневниковой записи великого украинского сатирика Остапа Вишни, мысленно обращены к русскому писателю Александру Фадееву. Вот полный текст: "Чистый в мыслях, чистый в чувствах своих, могу прийти к А.А. Фадееву и сказать просто, чисто, хорошо: "Приветствую! Люблю!". Так обратиться Вишня мог бы к большому кругу своих друзей-писателей – Владимиру Маяковскому, Александру Жарову, Михаилу Шолохову, Александру Прокофьеву, Сергею Смирнову, Александру Твардовскому, Леониду Ленчу, Николаю Грибачеву, Самуилу Маршаку, Виктору Ардову...

Стоит перечитать некоторые страницы славной летописи дружбы великих людей.

В феврале 1929 года, во время первой декады украинского искусства и литературы в Москве, состоялось личное близкое знакомство Павла Михайловича Губенко (уже известного там по русским переводам восьми его книг как Остап Вишня) с Маяковским. Поэт возил украинского сатирика по столице на собственном автомобиле, показывал самое, на его взгляд, интересное. В памяти Вишни остались их разговоры. Спустя много лет, 24 августа 1952-го, он вспоминает все и словно укоряет себя: "А Маяковский? Я не знаю, будет ли у меня время, чтобы написать о В.В. Маяковском так, как я его знаю. Сдохну, может, и не напишу! Обязан пока что сказать, что Маяковский был ВЕЛИКИЙ человек с большим сердцем".

Знал и ценил Остапа Вишню, его творчество, Шолохов. Прилетев в Киев на III съезд украинских писателей (1954 г.), он в первый же день просит устроить его встречу с Вишной, а узнав о болезни сатирика, звонит и дол-

го разговаривает с ним по телефону. Через год, к своему пятидесятилетнему юбилею, Шолохов получает от автора "Охотничьих усмешек" подарок — большой складной нож с набором всевозможных охотничьих приспособлений. Олесь Гончар и Василь Минко передали его, сопроводив краткими словами Вишни: "Передайте, он поймет меня". В сентябре 1956-го, узнав о кончине великого украинца, Шолохов отреагировал в кругу друзей немногословно, но емко: "Какого большого человека убили...".

Взаимная симпатия объединяла Остапа Вишню и Михаила Зощенко. Они сдружились в июне 1945 года, во время пребывания украинского юмориста и Максима Рыльского в Ленинграде. Вместе они переживали боль послевоенного разрушенного города, вместе выступали на предприятиях и в армейских частях, — о многом Вишня написал впоследствии в очерках "Ленинград и ленинградцы". Тогда на литературных вечерах Вишня с успехом читал свою "Зенитку", а Зощенко — свой перевод охотничьей усмешки "Дикая утка". После этого между писателями установились крепкие творческие связи.

Мне посчастливилось найти в архиве М.М. Зощенко, хранящемся в Пушкинском доме, письмо Остапа Вишни, которое раскрывает содержание контактов двух писателей юмористов. Обнаружим этот документ:

"6.02.46 г.

Дорогой Михаил Михайлович!

Я уже знаю, что, кроме "Дикой утки", Вы перевели и моего "Зайца", за что разрешите пожать Вам руку, с благодарностью и крепко. Я послал в "Ленинград" еще следующие вещи из моих охотничьих усмешок: "Лось", "Медведь", "Волк", "Дикая коза".

Если они подойдут, я очень Вас прошу и их перевести на русский язык.

Кроме того, я хотел бы договориться с Вами, — пока принципиально, — не согласились ли бы Вы вообще перевести всю книжку моих "Мисливських усмешок", которая будет готова, очевидно, в марте этого года.

Будет, вероятно, листов 7-8.

Всех вещей будет около 20.

Конечно, это в том случае, если какое-нибудь издательство РСФСР заинтересуется в издании.

Это первое.

Второе. Пришлите мне Ваши новые пьесы. Знаю, что идет Ваш "Парусиновый портфель", и слышал, будто бы есть что-то еще поновее! Правда или нет?..

*Я покажу их своему Главреперткому, — возможно, что их тут благо-
словят, поговорю с театрами и т. д. Все же у нас на Украине сто с лишним
театров!*

А переведу я их с большим удовольствием.

*Низко кланяюсь и жму руку Вашу.
Ваш Остап Вишня"*

На полях листа сделаны приписки. С левой стороны: "Привет ленин-
градским товарищам!", с правой: "Лежу сейчас в больнице со своей язвой
12-перстн. кишки. Пью рыбий жир, а не водку. Грустно".

Это писалось через два года после возвращения Вишни из десятилет-
него заключения в сталинские лагеря и за полгода до постановления ЦК,
громившего Зощенко, Ахматову и журнал "Ленинград".

Остап Вишня благоговейно относился к Александрам — Прокофьеву
и Твардовскому. "Люблю я Твардовского, люблю ленинградского Сашу
Прокофьева. Что сделал, по-моему, Твардовский? Он взял Васю Теркина
под руку и прошелся с ним, подбоченясь, по всей России — нате! Вот он
какой! А это вы — народ! Вот какой хороший народ!" Так определял Виш-
ня народность литературного героя и своеобразие поэта.

Восхищался он и поэтическим мастерством Прокофьева. В феврале
1952 года, в тяжелое и горькое время болезни, он записывал свою испо-
ведь на русском языке: "Я, Вишня Остап, умираю, а около меня сбоку
Александр Прокофьев! Дорогой Александр Андреевич Прокофьев! Про-
шу тебя! Приди на мою могилу и спой одну русскую песню! Пусть прозвучит
русская песня над могилой украинского "националиста"... Того "нацио-
налиста", который так любил русский народ, его песню, его слово".

Прокофьев был для Вишни образцом гуманиста и патриота. Когда
в августовском номере журнала "Вітчизна" за 1952 год в статье "Со-
ветский патриотизм" был сделан язвительный упрек в адрес поэта,
Остап Вишня записал: "Обвинять Ал. Прокофьева в непатриотизме?
Этого ладожского комбеда, мужика, бесконечно влюбленного в Рос-
сию, в родину... Я не знаю, — надо или ничего не понимать, или... луч-
ше не говорить".

Гордость слышалась в словах Вишни о Николае Тихонове, Михаиле
Лукоinine, Николае Грибачеве и "всех, всех", которые писали "что-то хо-
рошее. Что-то для народа. Для нас". Взаимными были и чувства его еди-
номышленников. Вот их признания.

Николай Грибачев: "Я принадлежу к счастливым людям, которые мно-
го десятилетий восхищались содеянным Остапом Вишней, к людям, кото-

рые имели возможность лично с ним встречаться. Благодарная память о нем — на всю жизнь".

Сергей Смирнов: "Я очень благодарен жизни, что она свела меня под небом Москвы и Киева с Остапом Вишней. Он всегда со мной. Мне хорошо чувствовать его теплую руку на своем плече. Чудесный человек! Спасибо тебе, Украина, за такого ангела сатиры и юмора".

Не менее проникновенные слова оставили Сергей Швецов, Ефим Весенин, Евгений Долматовский, Самуил Маршак, Виктор Ардов.

В 1963-1964 годах я работал над составлением сборника воспоминаний об Остапе Вишне. Написал более двухсот писем людям, знавшим Павла Михайловича. Большинство моих адресатов прислали свои размышления. К великому сожалению, не все материалы вошли в сборник "Живий Остап Вишня" (К., "Дніпро, 1966), хотя многие заслуживают внимания.

Вот письмо Александра Жарова: "Я в своих бумажках нашел четыре шуточных строчки, связанные с именем Остапа Вишни. Это, насколько мне помнится, мой экспромт, сказанный при знакомстве с Павлом Михайловичем где-то в Крыму — вероятно, Коктебель, — летом в тридцатых годах:

Я радуюсь знакомству с Вишней,

Я перед ним снимаю шляпу...

"Дай лапу, — говорю Остапу:

Ты брат мой и кумир давнишний".

Леонид Ленч: "Павла Михайловича я очень любил при жизни и как писателя, и как человека. Мы познакомились с ним лично, кажется, в 1950 или 1951 году, и между нами сразу возникла большая творческая и человеческая дружба. Я перевел на русский язык некоторые его рассказы, он переводил мои. Мне довелось провожать его в последний путь и говорить речь на его могиле..."

После смерти Остапа Вишни писатель из Воронежа Георгий Воловик, который, как и украинский сатирик, долгое время мучился в сталинских лагерях Ухты, писал в своем поэтическом дневнике:

Идут года. А память об Остапе

Живет и будет жить в сердцах у нас.

Старуха смерть слаба на этот раз...

Так можно сказать и о друзьях Вишни, которые простились с этим миром, сохранив до конца верность писательскому дружеству и оставив этому свидетельства.